

Слинкин М.Ф. МУХАММАД ДАУД. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

М. Дауд вошел в историю Афганистана XX в. как один из выдающихся государственных и политических деятелей. Он родился в 1908 году в Кабуле, в семье сардара (князя, принца) Мухаммада Азиз-хана, младшего брата (по отцу) будущего короля Афганистана Мухаммада Надир-шаха. Все они принадлежали к династийному мухаммадзайскому клану Яхьяхель [1]. Начальное образование М. Дауд получил в Кабуле, в элитарном лицее «Хабибия», где преподавание велось на английском языке. В 1922 году он был отправлен в Париж для продолжения среднего образования. После завершения учебы во Франции возвратился на родину и занял ответственный пост в министерстве иностранных дел. Через год поступает на учебу в кабульское Военное училище и успешно заканчивает его. Получив офицерское звание, направляется в качестве армейского командира в Южную провинцию (Пактию), а затем в Кандагар, в так называемый «Организационный комитет», который занимался проведением реформ и реорганизацией аппарата в провинции. Некоторое время спустя М. Дауд получает пост председателя Организационного комитета в Южной провинции. Через год, в 1939 г., он возвращается в Кабул и назначается командующим войсками столичного гарнизона и одновременно начальником Военного училища. На этих постах он остается почти семь лет. В 1946 году в правительстве Шах Махмуда он занимает кресло министра внутренних дел, а в следующем году направляется на дипломатическую работу в качестве посланника Афганистана в Париже и по совместительству в Швейцарии и Бельгии. По возвращении в Афганистан в 1948 году снова входит в кабинет Шах Махмуда, но на сей раз уже в качестве министра национальной обороны [2].

В 1951 году, в разгар оппозиционного буржуазно-демократического движения в Афганистане, из-за разногласий с Шах Махмудом М. Дауд уходит в отставку с министерского поста и на время, не занимая никаких официальных постов, включается в общественно-политическую деятельность. Следует заметить, что он еще в 30-40-х годах он начал разделять либеральные взгляды и группировать вокруг себя диссидентов внутри королевской семьи в противовес ее консервативному клану во главе с дядей короля – маршалом Шах Вали. В конце 40-х годов М. Дауд создает при щедрой финансовой помощи крупного афганского бизнесмена и банкира Абдул Маджида Забули так называемый «Национальный пуштунский клуб» («Мелли пуштун клуб»), надеясь в его рамках сплотить вокруг себя политически активные национально-патриотические элементы, оппозиционные правительству Шах Махмуда из числа элитарной интеллигенции, чиновничества, дворцовой аристократии и недовольного офицерства. И это ему удалось. В числе его сторонников оказались не только националистические, пропуштунски настроенные лица, но и приверженцы левых взглядов. Среди них были, в частности, Н.М. Тараки, Б. Кармаль и др. «Оппозиционная» деятельность Клуба, ориентированная, в основном, на критику и ослабление позиций правительства Шах Махмуда, заметно повысила авторитет М. Дауда как сторонника модернизации страны в соответствии с настроениями прогрессивно мыслящей афганской общественности.

В сентябре 1953 года, в условиях продолжавшейся нестабильности внутривнутриполитической ситуации в Афганистане и явной неспособности правительства Шах Махмуда найти выход из экономических неурядиц, король Захир-шах поручает своему двоюродному брату и зятю М. Дауду [3] сформировать правительство. Наряду с постом премьер-министра М. Дауд берет на себя также исполнение функций министра национальной обороны. С этого времени он становится на целую четверть века самой влиятельной, ключевой фигурой на афганском государственном олимпе.

М. Дауд представлял собой новое поколение афганских политиков-прагматиков из числа дворцовой аристократии, пришедшее на смену правившими страной почти четверть века премьеров – дядей короля. Он провозгласил так называемую «политику руководимой (направляемой) экономики», призванной облегчить и ускорить капиталистическую эволюцию страны путем активного вмешательства государства в экономическую жизнь, широкого использования иностранной помощи и предоставления национальному капиталу, в том числе мелким и средним предпринимателям, благоприятных возможностей для участия в развитии экономики и производительных сил. М. Дауд, кроме того, обещал реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение широких трудовых слоев населения. Данная часть программы нашла благоприятный отклик в кругах демократической оппозиции, которая поспешила отдать ему свою поддержку. В Афганистане в связи с этим наступил период временного относительного затишья в открытой внутривнутриполитической борьбе, продолжавшийся до начала 60-х годов.

С именем М. Дауда было связано почти целое десятилетие (1953-1963 гг.) впечатляющего, по масштабам Афганистана, экономического развития страны, сравнимого по своей политической значимости, пожалуй, лишь с первым десятилетием (1919-1929 гг.) независимого афганского государства, когда им правил король-реформатор Аманулла-хан. Для М. Дауда в этот период приоритетным, наряду с экономикой, стало также создание сильных афганских вооруженных сил и агрессивные подходы к решению пуштунской проблемы.

Приступая к реализации планов по преодолению вековой отсталости страны, М. Дауд отчетливо понимал, что Афганистан при его крайне ограниченных внутренних финансовых ресурсах не может обойтись без широкой внешней финансовой и технико-экономической помощи. Поэтому его правительство, придя к власти, сразу же приступило к ее поискам и на Западе, и на Востоке. Однако западные страны, прежде всего США, обусловили предоставление этой помощи политическими требованиями, совершенно

неприемлемыми для независимого афганского государства. В этих условиях М.Дауд вынужден был обратиться за такой помощью к Советскому Союзу и странам Восточной Европы, которые не обусловили ее предоставление никакими политическими или иными уступками с афганской стороны.

Деятельность М.Дауда в качестве премьер-министра пришлась на годы «холодной войны», что не могло не найти отражения во внутренней и внешней политике его кабинета. Оказавшись между двух противоборствующих идеологических систем, он с присущей ему восточной прозорливостью первоначально стремился найти и с той, и с другой стороны добрые, одинаково сдистанцированные, выгодные для Афганистана отношения. Однако уроки жизни заставили его держаться ближе к советскому берегу, правда, не причаливая к нему.

В даудовском крене в сторону социалистического лагеря немалую роль сыграли негибкие, недалеко-видные, пренебрежительно-барские, а порой грубые и оскорбительные подходы американской дипломатии к Афганистану того времени и лично к Дауду. Это вынужден был впоследствии признать высокопоставленный сотрудник госдепартамента США, бывший работник американского посольства в Кабуле Леон Б. Пуллада. По его заслуживающему внимания яркому свидетельству, американский посол в Афганистане Энгус Уорд «презирал Дауда, считая его хитрым, ненадежным и безрассудным», а «резидент ЦРУ в Кабуле, пользовавшийся большим влиянием на Уорда, отличавшийся фривольным поведением, большим пристрастием к спиртному и наклонностями авантюриста с пистолетом за поясом и воображавший себя этаким Лоуренсом Афганистана, плел заговоры вместе со своими пакистанскими коллегами и диссидентами из королевской семьи, чтобы «дестабилизировать» даудовский режим»[4]. Такие действия резидента ЦРУ не были некоей шалостью отбившегося от рук, своевольного пропойцы с ковбойскими замашками, как склонен был объяснять это профессор Л.Пуллада, а полностью вписывались в официальный курс американской администрации в отношении Афганистана.

М.Дауд был хорошо осведомлен об истинных мотивах действий и намерениях США на афганском направлении. При этом он никогда не терпел каких-либо унижений и оскорблений в свой адрес, от кого бы они ни исходили, и платил своим обидчикам тем же. Когда в начале 1956 года Э.Уорд в прощальной беседе в связи со своим отъездом из страны начал в назидательном тоне рекомендовать Дауду отказаться от советской технико-экономической и военной помощи, последний резонно напомнил собеседнику об отказе США предоставить Афганистану такого рода помощь и решительно отменил высокомерные советы, расценив их как проявление «американской истерии» [5]. Более того, Дауд нередко весьма негативно оценивал некоторые аспекты американской помощи, в частности несовершенство проекта и неэффективность функционирования Гильмендской оросительной системы, построенной американской компанией «Моррисон-Надсен». По словам М.Дауда, этот объект стал в Афганистане «памятником позора США». Из всего сказанного вытекает, что антиамериканизм М.Дауда во многом был спровоцирован самими американцами.

Как бы там ни пытались недруги М.Дауда и внутри страны, и за рубежом представить его «красным принцем» или, более того, безоговорочно зависимым от русских деятелем, который «вручил Советам всю культурную, политическую и экономическую жизнь афганцев» [6], в действительности же он, будучи подлинным патриотом своей страны, проводил последовательно и неуклонно сугубо самостоятельную, отвечающую национальным интересам страны внешнюю и внутреннюю политику и не являлся ни просоветским деятелем, ни, тем более, «красным». При этом объектом его особой заботы и внимания была пуштунская проблема. Она для него представлялась делом чести, национального достоинства и патриотической обязанностью. С ней, в конечном счете, был связан его огромный политический авторитет по обе стороны афгано-пакистанской границы. Официально и М.Дауд, и его правительство всегда выступали в поддержку национально-освободительной борьбы зарубежных пуштунов, исходя из формулы непризнания Пуштунистана частью Пакистана без согласия на то самих пуштунов. Вопрос о полной независимости Пуштунистана, и это следует особо подчеркнуть, в открытой, официальной форме ни М. Даудом, ни другими афганскими государственными лицами не ставился.

Однако, надо признать, что М. Дауд не исключал и силового решения пуштунской проблемы. Более того, он предпринимал конкретные шаги с тем, чтобы подготовить необходимые условия для объединения всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства. Автор этих строк, работавший в те годы в Афганистане в составе группы советских военных специалистов, не раз был свидетелем обращений М.Дауда к советской стороне в ходе закрытых официальных и неофициальных переговоров и бесед с просьбой об оказании Афганистану советской советнической помощи по вопросам организации и ведения партизанской войны на территории Пакистана, в районах проживания пуштунских племен. М.Дауд при этом не скрывал, что он намерен этими действиями заставить пакистанский режим при решении пуштунской проблемы принять условия Кабула.

Советская сторона на всех этапах постановки данного вопроса решительно отказывалась от какого-либо участия в подобном рода замыслах. С целью отговорить М.Дауда от этой авантюры в октябре 1961 года в Кабул прибыла высокопоставленная советская военная делегация во главе с Маршалом Советского Союза В.Д. Соколовским. М. Дауду было прямо заявлено, что его ставка на силовое решение пуштунской проблемы бесперспективна и что попытки провоцирования партизанской войны на территории Пакистана, члена военно-политического блока СЕАТО, неизбежно приведут к втягиванию Советского Союза в широкомасштабную войну в регионе, чреватую перерасти в третью мировую войну. М. Дауду было категорически отказано в его просьбе организовать с участием советских преподавателей курсы по обучению аф-

ганских офицеров методам, формам и способам ведения партизанской борьбы с учетом опыта Великой Отечественной войны и географического своеобразия региона.

В связи со сказанным представляются досужим домыслом в духе приснопамятной «холодной войны» утверждения американского автора Дж. Коллинза относительно целей визита маршала В.Д. Соколовского в Кабул. Коллинз, ссылаясь на донесения американского шпиона полковника О. Пеньковского, пишет, что Соколовский во время переговоров с афганским руководством якобы обсуждал вопрос «о возможностях посылки советских войск в Афганистан в соответствующее время для участия в совместных операциях против Пакистана» [7]. В действительности ни М. Дауд и ни маршал В.Д. Соколовский такой вопрос вообще не ставили и не обсуждали.

И все же М. Дауд не внял советам советской стороны относительно опасности разжигания партизанской войны в Пуштунистане. В 1962-1963 годах по его указанию сюда был заброшен ряд диверсионных групп, одну из которых возглавил известный в афганских армейских кругах, авантюрист по натуре, майор-десантник Сафи. Эти группы, действуя под видом «национальных моджахедов Пуштунистана» («моджахедин-е мелли-йе Пуштунистан»), подрывали мосты, линии коммуникаций и важные хозяйственные объекты, совершали вооруженные нападения на пограничные посты и полицейские участки, убивали государственных служащих, привлекали в свои отряды местных жителей-пуштунов и т.п. Однако все их усилия особого успеха не имели. Разжечь огонь партизанской войны им не удалось, да вскоре и ушел в отставку сам ее инициатор. Примечательный факт: в марте 1963 г. столичная газета «Анис», сообщая об отставке М. Дауда с поста премьер-министра и публикуя на первой полосе его краткую биографию, поместила непосредственно под этим текстом (явно с намеком!) заметку о действиях «национальных моджахедов» в Пуштунистане, включавших подрыв моста, опор телефонных линий и нападение на пакистанский пограничный пост. Видимо, это были последние операции афганских диверсантов, так как после прихода к власти нового премьера их засылка в Пакистан была прекращена.

Находясь в течение многих лет на военной службе и будучи руководителем военного ведомства, М. Дауд завоевал искренние симпатии значительной части афганского офицерства, особенно в его среднем и старшем звеньях. Часто посещая войска, он был лично знаком со многими из них. Его последнее воинское звание – генерал-лейтенант. Большой популярностью он пользовался и в гражданской среде. Этому содействовали не только его энергичные меры по защите национальных интересов на международной арене, усилия по строительству в стране многих жизненно важных промышленных и инфраструктурных объектов, но и его кадровая политика. Он настойчиво выдвигал на важные гражданские и военные посты в центре и на местах молодых, деятельных и профессионально подготовленных лиц, невзирая на их социальное происхождение и положение. Одновременно М. Дауд без колебаний смещал или переводил на менее значимые посты бездеятельных и слабо подготовленных представителей аристократии, вызывая этим в их среде недовольство и ропотания. Как и следовало ожидать, приход разночинцев в сферу управления и власти заметно расширил социальную опору М. Дауда в обществе и во многом обеспечил ему решение поставленных им задач по ускорению экономического развития страны, реорганизации и модернизации вооруженных сил государства.

М. Дауд тонко чувствовал и улавливал общественные настроения и, как прозорливый политик, оперативно реагировал на них. В 1962-1963 годах в письмах, адресованных королю, он предупреждал династию о росте радикализма в кругах молодежи и интеллигенции и подчеркивал, что «народ устал», что сохраняющиеся в стране безграничные привилегии аристократии сдерживают общественное развитие. В связи с этим М. Дауд предлагал монарху установить в Афганистане режим парламентской демократии, в частности ограничить власть местных элит – этнических лидеров, ханов племен, религиозных авторитетов, вести двухпартийную систему правления, подчинить правительство парламенту и оставить за королем лишь церемониальные функции [8]. Такая перспектива явно не могла устроить короля Захир-шаха. Впрочем, он уже давно, наблюдая за ростом влияния и популярности в обществе своего энергичного двоюродного брата, не без основания опасался за судьбу трона. Подобного рода опасения испытывала и консервативно настроенная часть двора во главе с Шах Вали – Абдул Вали. Как свидетельствовали спецслужбы США, «некоторые члены королевской семьи называли его (М.Дауда. – М.С.) «бешеным принцем» и «говорили, что живут в страхе и не осмеливаются критиковать Дауда» [9]. Все это, вместе взятое, обусловило негласное объединение против М. Дауда клана Шах Вали – Абдул Вали и умеренно-центристской группировки самого короля и его сына – наследного принца Ахмад Шаха.

В начале 60-х годов, несмотря на несомненные сдвиги в хозяйственном строительстве и осуществлении ряда социально-экономических преобразований в стране, четко обнаружились ограниченность внутренней политики правительства М. Дауда и, главное, его неспособность сколько-нибудь реформировать отжившую систему политических институтов и демократизировать общественную жизнь, облегчить положение трудовых слоев населения. Вследствие этого М.Дауд стал неумолимо терять поддержку среди либерально-буржуазных и прогрессивных кругов страны, составлявших, пожалуй, самую значительную для него социальную опору с момента прихода к власти в качестве премьер-министра. Недовольство его внутренней и внешней политикой выражали и те круги афганского общества, которые придерживались прозападной ориентации. Они резко критиковали правительство М. Дауда за ухудшение афгано-пакистанских отношений, ограничение торгово-экономических связей с западными странами, а также даудовскую политику вмешательства в экономику. В оппозиции М. Дауду находились и влиятельные клерикальные круги. Поводов к этому было немало. Оставаясь глубоко религиозным человеком, он патологиче-

ски не терпел духовную элиту страны, считая ее агентурой Запада и влиятельных религиозных кругов региона. Нередко он обрушивал на недругов-клерикалов жестокие репрессии. Так, в 1959 году в связи с выступлением духовенства против снятия женщинами чадры ряд мулл был повешен, глава клана хазратов М.И. Моджаддеди и некоторые другие брошены в тюрьму, наиболее ретивым духовникам был запрещен выезд за границу, распущен Совет улемов.

В итоге, лишившись поддержки «слева» и «справа», а также «сверху», М. Дауд вынужден был 3 марта 1963 года вручить королю Захир-шаху прошение об отставке, которую монарх принял через неделю, 9 марта.

Уйдя в отставку, М. Дауд отказался поддерживать какие-либо личные контакты с королем, хотя последний через свою сестру (жену М. Дауда) не раз пытался восстановить отношения с ним. Вместе с тем М. Дауд не вел затворнический образ жизни. Его часто можно было видеть прогуливавшимся без охраны вблизи от своего дома в Шахре-нау (район в центре Кабула, рядом с королевским дворцом), или за рулем автомобиля на улицах столицы и за ее пределами, или же в курортной зоне на берегу водохранилища Карга (близ Кабула), где он любил отдыхать. И повсеместно, где бы он ни появлялся, его оживленно приветствовали оказавшиеся там люди. Не утратил он своего авторитета и в армейской среде: его портреты продолжали висеть рядом с королем в казармах, штабных канцеляриях и кабинетах военачальников.

Хотя М. Дауд с уходом в отставку оказался под негласным надзором, он по-прежнему сохранял связи со своими сторонниками и потенциальными союзниками как в армейских, так и в гражданских кругах. С первыми он поддерживал контакты, как правило, через свое доверенное лицо полковника Гулям Хайдара Расули, а со вторыми, в том числе и с представителями левого спектра, – через своего бывшего начальника канцелярии Мухаммада Хасан Шарка. Положение, однако, резко изменилось с принятием в конце 1964 года новой королевской конституции, по которой (статья 24) М. Дауд, как член королевской семьи, был законодательно лишен права заниматься политической деятельностью [10]. С этих пор его контакты со своими сторонниками приняли тайный характер. Видимо, уже в 1965 году в их среде созрел замысел относительно необходимости ликвидации монархии в стране как отжившего института власти. Убежденность покончить с монархическим режимом окончательно укрепилась в начале 70-х годов, когда король и его правительство оказались совершенно неспособными вывести страну из жесточайшего внутреннего кризиса, вызванного двухлетними неурожаями сельскохозяйственных культур и огромным падежом скота из-за засухи и невиданных снежных зим. Именно в эти годы состоялись контакты между антимонархической группировкой М. Дауда и молодой военной оппозицией, представленной леворадикальными элементами. Ими в условиях глубокой конспирации был разработан план государственного переворота.

В ночь с 16 на 17 июля 1973 года в Афганистане под руководством М. Дауда произошел антимонархический переворот, восторженно встреченный подавляющим большинством населения страны. Ударной силой заговорщиков явилась армия, а точнее, та ее часть, которую составляли представители леворадикальной оппозиции и патриотически и националистически настроенные офицеры – сторонники М. Дауда. Утром 17 июля в выступлении по кабульскому радио М. Дауд объявил о ликвидации в стране монархического режима и провозгласил рождение нового государства – Республики Афганистан. Сразу же после государственного переворота был создан высший руководящий орган страны – Центральный Комитет Республики Афганистан, в котором примерно половину мест получили леворадикальные элементы. М. Дауд был избран главой государства и премьер-министром, а чуть позже, с формированием правительства, занял еще и посты министра национальной обороны и министра иностранных дел.

23 августа, в день 54-й годовщины независимости страны, М. Дауд выступил по кабульскому радио с «Обращением к афганскому народу». Это было программное заявление нового, республиканского режима, отразившее в своей основе позиции и взгляды сложившейся к тому времени в центральных органах власти коалиции. В структуре, содержании, оценках и языке «Обращения» четко прослеживалась «рука» левого окружения М. Дауда. В целом, программа республиканского правительства, несмотря на определенную декларативность и расплывчатость некоторых формулировок, предусматривала широкие преобразования в социально-экономической и политической сферах и открывала для афганского общества обнадеживающие перспективы.

Некоторое время спустя после переворота М. Дауд начал поиски таких идеологических концепций, которые бы отразили происшедшие в стране перемены, способствовали объединению всех слоев и классов общества вокруг правительственных программ и обеспечили бы, таким образом, поддержку режиму. В итоге этих поисков появилась так называемая «народная и национальная теория революции», которая и составила официальную идеологию даудовского республиканского режима. Структура этой «теории» не была строго очерчена и в основном повторяла идеи, имевшие хождение при монархии: национализм, дух афганства и исторической пуштунской исключительности, ислам, демократия, основанная на законе, святость национальных традиций и обычаев, идеи патернализма и патриотизма, антиколониализм и антикоммунизм. Но были и новшества. Составным элементом государственной идеологии М. Дауд считал социализм. Правда, от социализма он заимствовал лишь его экономический аспект, дополняя его своими «национальными» и «исламскими» компонентами. Свое понимание социализма М. Дауд выразил в интервью корреспонденту агентства Танюг в феврале 1976 года: «Социализм, который мы избрали в качестве нашей экономической основы нового афганского общества, – говорил он, – фактически является средством достижения социальной справедливости, ликвидации классового неравенства и антагонизма позитивным, прогрессивным и мирным путем. Необходимо пояснить, что составными частями нашего социа-

лизма являются историческая реальность, национальная культура, объективные и субъективные условия существования нашего общества, а также дух подлинного ислама» [11].

Свержение монархии и намерение республиканского правительства провести в стране преобразования в экономике и политике и, прежде всего аграрную реформу, а также усиление влияния левых в органах центральной и местной власти вызвали резкое противодействие правых консервативно-клерикальных кругов. Только за первые пять месяцев республики они организовали два крупных антиправительственных заговора, а в 1975 году подняли антидаудовское восстание в 11 провинциях страны. Все это, наряду с обвинениями в адрес М. Дауда о его смыкании с «безбожным коммунизмом» и просоветскими элементами, не проходили бесследно для правящей республиканской коалиции. Консервативно и националистически настроенные деятели в руководстве республики старались убедить М. Дауда в обоснованности требований правой оппозиции, неприемлемости для Афганистана социалистической ориентации и необходимости размежевания с левыми. Определенным катализатором процесса политического размежевания в республиканской коалиции являлись и сами входящие в нее левые радикалы. Упорно требуя от главы государства форсированного осуществления обещанных социально-экономических и политических преобразований, они вызывали его раздражение, нагнетали противостояние в руководстве республики и этим все больше изолировали себя от остальных членов правящего альянса.

С весны 1974 года М. Дауд начал чистку государственного аппарата от левых и демократических элементов, и к началу 1977 года их практически не осталось ни в непосредственном окружении главы государства, ни на провинциальном уровне. Одновременно М. Дауд укреплял и расширял себе опору справа. С принятием конституции 1977 г. любая оппозиция в Афганистане была поставлена вне закона. Левые вынуждены были уйти в глубокое подполье. Таким образом, компромисс между национально-патриотическими, либерально-буржуазными и левыми, демократическими силами в правительстве М. Дауда не состоялся. Препятствием к этому явились не только общая неготовность к сотрудничеству различных течений и группировок бывшей антимонархической оппозиции, несхожесть их социально-классовых приоритетов, амбиции, предвзятость и непримиримость друг к другу, но и личность самого главы Республики Афганистан, стремившегося утвердить в стране авторитарную форму правления.

М. Дауд, всегда отдававший прежде приоритеты решению экономических проблем в стране, не был бы, конечно, Даудом, если бы на новом, республиканском этапе своей государственной деятельности не предпринял шагов по оздоровлению положения в промышленности, торговле, финансах и социальной сфере. Решая эти проблемы, он взял, в принципе, старую модель развития, опробованную им в 1953-1963 годах. Однако в условиях острой нехватки материальных и финансовых средств его республиканское правительство не смогло не только выполнить, но даже и приступить к реализации многих социальных и экономических программ, декларированных в «Обращении к афганскому народу».

Чрезвычайное неблагодарное положение в сфере экономики и тяжелейшее положение широких слоев населения заставили М. Дауда пойти на значительную корректировку внешнеполитического курса Афганистана, чтобы получить из-за рубежа необходимую финансовую и технико-экономическую помощь. Действуя по давно испытанному принципу одновременно «доить нескольких коров» к своей экономической выгоде, М. Дауд начал активно развивать отношения с Западом и богатыми странами региона. Расширилось сотрудничество Афганистана с Соединенными Штатами Америки, Ираном, Египтом, Саудовской Аравией и другими странами. Большое внимание М. Дауд уделил нормализации отношений с Пакистаном. В качестве платы за мир и сотрудничество афганский лидер согласился признать линию Дюранда государственной границей между двумя странами. Данная уступка М. Дауда означала, по существу, его отречение от пуштунской проблемы, бывшей в течение второй половины XX в. постоянным яблоком раздора в афгано-пакистанских отношениях. Можно без преувеличения сказать, что этим своим опрометчивым шагом он лишил себя широкой национальной опоры, прежде всего среди пуштунского офицерства, и буквально в один миг утратил прежний, десятилетиями сохранявшийся за ним ореол борца за права пуштунов по обе стороны линии Дюранда.

Смена ориентиров во внешней политике правительства М. Дауда была встречена афганской политизированной общественностью крайне неоднозначно: одни – всегда существовавшие в элитарных кругах Афганистана прозападное и проарабско-мусульманское лобби – приветствовали и поддержали (правда, каждое по-своему) новшества во внешнеполитическом курсе республики, другие – левые демократы и пуштунские национал-патриоты – резко осудили отход от традиционной формулы решения пуштунской проблемы и сближение с Западом, расценив все это как предательство национальных интересов Афганистана и зарубежных братьев-пуштунов, как сговор с империализмом.

Черту под противоборством между М. Даудом, с одной стороны, и левыми и национально-патриотическими силами, с другой, подвело вооруженное восстание армии 27 апреля 1978 года, непосредственно спровоцированное и приближенное самим М. Даудом. Оно явилось расплатой за его политическую непоследовательность и авторитаризм и не оставило ему никаких шансов на жизнь. Впрочем, если бы ему в этой борьбе удалось одержать верх, он бы, без всякого сомнения, сделал то же самое со своими противниками и не пожалел бы пуль для них. Ранним утром 28 апреля, предположительно в 4 часа, когда во дворец Гульхана прибыла делегация восставших с ультиматумом к М. Дауду сдаться, он открыл огонь из пистолета по парламентарам. В завязавшейся перестрелке, кроме М. Дауда, были убиты 18 членов его семьи, [12] включая пятерых детей и его брата Мухаммада Наима.

М. Дауд был, безусловно, одним из выдающихся деятелей афганской истории XX в., много сделавший

для ускорения «сверху» темпов буржуазных преобразований в стране и защиты ее национальной независимости и достоинства перед лицом неприкрытого вмешательства, шантажа и давления извне. Это была яркая, сильная и незаурядная личность. Автору этих строк при неоднократных встречах с ним в 60-х годах приходилось много раз убеждаться в его железной выдержке, воле и такте, подчеркнутым чувством собственного и национального достоинства и чести (что особенно не нравилось западным дипломатам), целеустремленности и убежденности в своей правоте, безукоризненной логике мышления, широте кругозора, естественности жестов и поведения и типично восточной хитрости. Представляется, что он был честным человеком и, утверждая свою авторитарную власть и выдвигая программы преобразований для своей многострадальной страны, искренне верил, что таким путем вырвет ее из оков вековой отсталости и добьется процветания и блага для своего народа. Это стремление являлось лейтмотивом всей его жизни.

Вместе с тем его отличали, как многих профессионалов-военных, излишняя прямолинейность, переход от одной крайности к другой, неумение или нежелание искать баланс сил в острой политической борьбе, особенно в периоды, когда развитие событий приобретало характер разрушительной бури. Он чаще предпочитал разрешать существовавшие и возникавшие проблемы и конфликты не с помощью уступок, компромиссов и разумного политического маневрирования, а волевыми методами, напролом, через использование грубой силы. Ему как государственному деятелю, порой не хватало чувства реальности и здравого смысла в оценке внутривнутриполитической ситуации и принятии ключевых решений, умения рассчитывать развитие событий на несколько ходов вперед. Эти его качества нашли убедительное воплощение в ужесточении и конфронтации с теми, кому он был обязан властью в начале 70-х годов, что, в конечном счете, привело к трагической развязке, при которой какая-то из двух противоборствующих сил неизбежно должна была быть разгромлена и сойти с политической арены, если не навсегда, то, по крайней мере, на значительное время. Другой альтернативы, особенно после принятия конституции 1977 г., закрепившей авторитарную власть М. Дауда в стране, просто не оставалось.

Источники и литература

1. По утверждению афганских биографов семьи короля Надир-шаха, в ее генеалогическом древе слились две ветви – мухаммадзеяв и садозаев. Одна, по отцовской линии, шла от основателя рода мухаммадзеяв сардара Султана Мухаммад-хана, сына сардара Паинда-хана, а другая (садозайская), по материнской линии, – от Ахмад-шаха Абдали, создателя афганского государства в 1747 г. Надир-шах принадлежал Султану Мухаммад-хану правнуком. – См. об этом: Mohammad Ali. Progressive Afghanistan. - Lahore: Panjab Educational Electric Press, 1933. - P. 73.
2. Анис. - 1963, 10 марта; см. тж: Ежегодник БСЭ. 1974. - М.: Советская энциклопедия, 1974. - С. 606.
3. М. Дауд был женат на сестре короля Захир-шаха.
4. Poullada, Leon B. Afghanistan and the United States: the Crucial Years // The Middle East Journal. - Spring 1981. - Vol.35, №2. - P.184.
5. Ibid.
6. Hayt Khan, Azmat. The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham Parties in Afghanistan // Central Asia. - Winter 1987. - Vol.28, №21. - P. 37; Dupree L. Afghanistan. - Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. - P.560.
7. Collins J.J. The Soviet Invasion of Afghanistan. A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy. - Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1986. - P.23.
8. См. об этом: Актуальные проблемы афганской революции. - М.: Наука, 1984. - С. 34-35; Hayat Khan, Azmat. The Antecedents and Origin of Khalq and Parcham. - P.38.
9. Актуальные проблемы афганской революции. - С. 34-35.
10. Конституция Афганистана. - Кабул: Франклин Букс Програмс, 1 октября 1964. - С. 14-15.
11. Джумхурият. - 1976, 25 августа.
12. Американский автор Л. Дюпре говорит примерно о 30 членах семьи М. Дауда, которые были убиты в перестрелке. См.: Dupree L. Afghanistan. - P. 771.